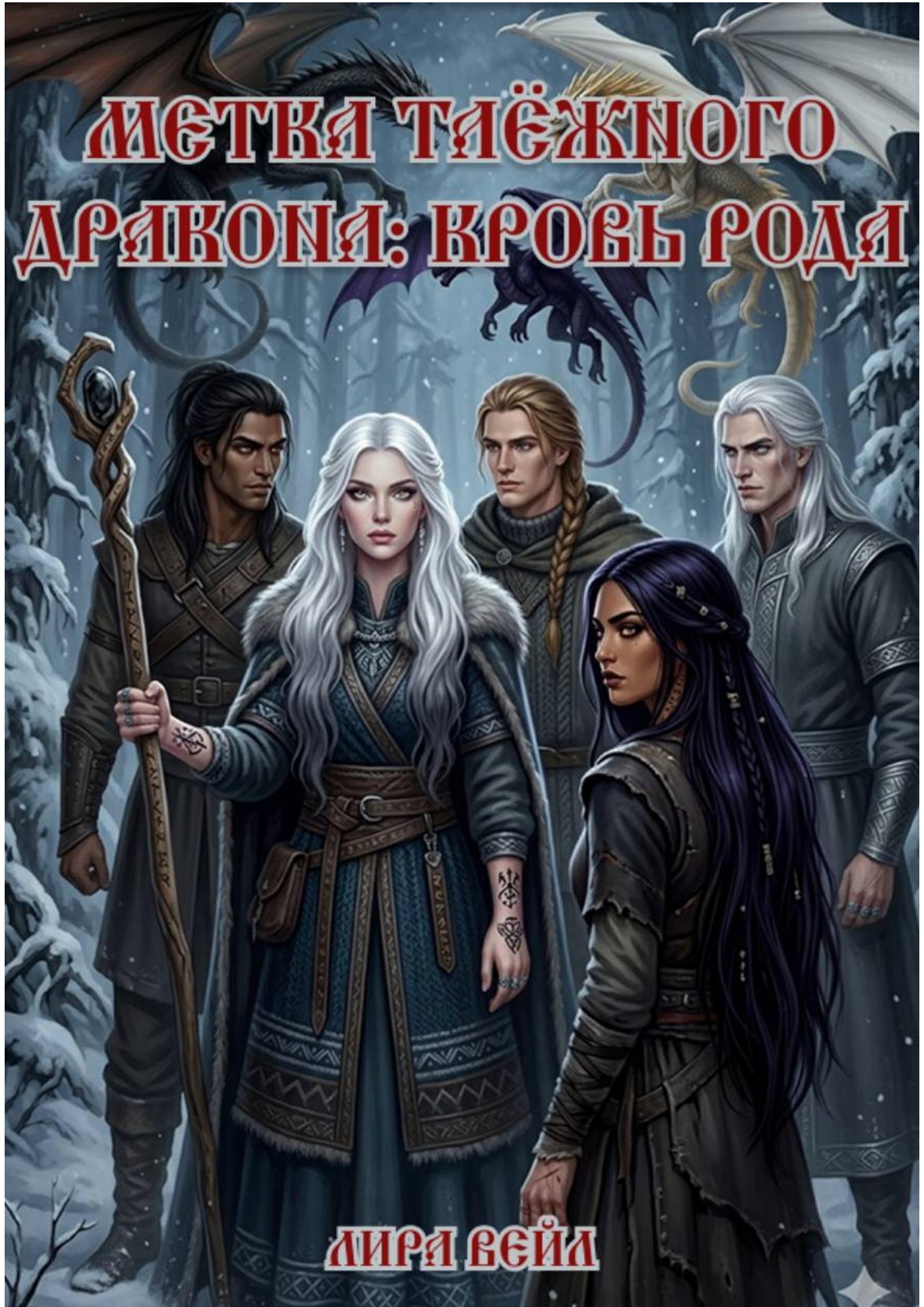

МЕТКА ТЯЁЖНОГО ДРАКОНА: КРОВЬ РОДА

ЛИРА ВЕЙЛ

Метка таёжного дракона. Все книги

Лира Вейл

**Метка таёжного
дракона: Кровь Рода**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Метка таёжного дракона: Кровь Рода / Л. Вейл — «Автор»,
2026 — (Метка таёжного дракона. Все книги)

Заключительная книга серии «Метка таёжного дракона». Чернобог идёт. Он везде, где пусто: в разломах между мирами, в местах, где тысячу лет не было ни волхвов, ни богов, ни баланса. И остановить его можно только если восстановить то, что было разрушено ещё в 988 году. Мила собирает потомков. Боги возвращаются — и они не рады новым условиям. Боги, драконы, война за баланс миров — и женщина, которая перестала ждать, чтобы её выбрали.
Славянская мифология# Силы стихий# Дарк романс / dark romance# Полиамория# Из врагов в любовники# Slow burn# Драконы и волхвы# Боги и ритуалы# Эротические сцены# Финал серии— славянское романтическое фэнтези— дарк романс с драконами— попаданка в славянский мир— сильная героиня и древние боги— магические ритуалы и пророчества— женская магия, ведьмы и ритуалы— тёмное фэнтези со славянской мифологией— из врагов в любовники фэнтези— любовный роман с элементами эротики— фэнтези про волхвов и драконов— ромфант про драконов

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ли́ра Вейл

Метка таёжного дракона: Кровь Рода

Глава 1

Рассвет приходит медленно.

Сначала — тонкая полоса на горизонте. Бледная, почти серая. Потом — розовая. Потом золотая, разлитая по краям тайги, как мёд по тёмному дереву.

Я стою на балконе и смотрю.

Три луны уходят за горизонт одна за другой. Красная первой — растворяется в утреннем небе, как угли в золе. Серебряная следом — тает без звука, без прощания. Голубая задерживается дольше всех. Висит низко, почти касаясь верхушек кедров. Потом — тоже уходит.

Я уже не считаю дни.

Посох лежит в ладони привычно — как продолжение руки, как часть меня, которой раньше не хватало. Тёмное дерево, гладкое там, где я держу. Триглав на навершии — три головы: дракон, человек, птица — смотрит в никуда своими резными глазами. Я провожу большим пальцем по дракону.

Сейчас посох — это часть утреннего ритуала. Как кофе раньше.

Я опускаю взгляд на запястья.

Триглавы. Оба. Левый и правый — одинаковые, но разные. Левый чуть светлее, как будто в нём больше серебра. Правый темнее, теплее. Если долго смотреть — кажется, что они дышат.

Иногда я думаю, что они правда дышат.

Раньше здесь были метки. Чёрная — Велеса. Серебряная — Световида. Цепи, которые я называла связью, пока не поняла разницу. Теперь — триглавы. Свобода, которая помнит всё, что было до неё.

Это другое.

Лучше.

Я сжимаю пальцы.

Видение приходит само — я его не звала. Просто утро, просто рассвет, просто я стою на балконе, а потом — вдруг — река.

Смородина. Чёрная вода. Берег.

И я — другая я — смотрит на меня из отражения.

Старше. На сколько? Десять лет. Может, пятнадцать. Лицо узнаваемое — мои скулы, мои губы — но в нём что-то застыло. Как лёд, который долго держит форму, а потом всё равно даёт трещину.

Глаза золотые. Полностью. Без серого, без зелёного — только золото, и в нём нет тепла.

На лице — шрамы. Я не знаю, откуда. Не помню — потому что этого ещё не было.

И посох.

Сломанный.

Та — другая — я смотрит на меня молча. Потом шевелит губами.

Ты опоздаешь.

Я каждый раз жду, что скажет что-нибудь ещё. Объяснит. Уточнит. Хотя бы назовёт — куда именно я опаздываю, на что, к кому.

Не говорит.

Просто смотрит — золотыми, пустыми, чужими глазами.

Я моргаю.

Тайга. Балкон. Утро.

Рассвет уже почти полный — небо из розового стало белым, холодным, прозрачным. Через него просвечивает что-то далёкое, что я не умею называть. Световид, наверное, смог бы. У него на всё есть слова.

Я выдыхаю медленно.

Белое облако пара.

Всё ещё холодно по утрам — даже здесь, даже сейчас. Дворец Морозко не знает другой температуры. Я привыкаю. Надеваю толстый свитер поверх рубахи, выхожу босиком, и пол из тёмного льда уже не обжигает ступни так, как обжигал.

Тело адаптируется.

Я адаптируюсь.

Внутри тихо.

Слишком тихо — вот что странно в этих утрах. Дворец огромный. Коридоры длинные, потолки высокие, эхо живёт в каждом углу. Но по утрам — тишина. Как будто камень задерживает дыхание.

Я люблю это время.

Час до того, как все проснутся. Час, когда я одна — по-настоящему одна, не потому что ушла, а потому что мир ещё не начался.

Провожу ладонью по перилам балкона. Иней — тонкий, паутинный — крошится под пальцами. Дворец живой. Я уже знаю, как он дышит. Знаю, когда он беспокоится — узоры на стенах становятся плотнее, мельче. Знаю, когда доволен — иней складывается в лёгкие, почти случайные завитки.

Сейчас завитки.

Хорошо.

Я смотрю на тайгу внизу.

Бесконечная. Тёмная даже при рассвете — кедры не пускают свет глубоко, держат его на верхушках, в кронах. Внизу всегда сумерки, всегда сырость, всегда запах смолы и чего-то древнего.

Где-то там — разломы.

Я их не вижу отсюда. Но чувствую — слабо, как зубная боль, которая ещё не началась, но уже даёт о себе знать. Посох реагирует раньше меня: чуть тяжелеет в руке. Триглав на навершии — я готова поклясться — смотрит туда, куда надо смотреть.

Вчера был один разлом — за рекой, в нейтральной тайге. Световид ходил проверять. Вернулся молча, сел в библиотеке, открыл свиток.

Я не спрашивала.

Он бы сказал, если бы нужно было сказать.

Голоса приходят снизу.

Сначала — неразборчиво. Просто звук, низкий, ровный. Потом — слова. Дворец проводит звук странно: что-то глушит, что-то усиливает. Никогда не знаешь, что именно услышишь.

Сейчас — Велес.

— ...не обсуждается.

Пауза.

— Всё обсуждается, — отвечает Морозко. Голос ровный. Всегда ровный — как лёд, под которым не видно, что происходит в глубине. — Это моя позиция.

— Твоя позиция — это...

— Дракон.

Одно слово. Произнесено без интонации — но Велес замолкает. Это само по себе достижение. Я знаю — я слышу подобное почти каждое утро.

Они начинают с рассвета.

Иногда мне кажется, что они просыпаются раньше специально — чтобы успеть поспорить до завтрака. Про что угодно. Про маршруты. Про ресурсы. Про то, как именно следует реагировать на разломы. Про то, кто должен принимать решения.

Ни один не уступает.

Ни один не уходит.

Я закрываю глаза.

Слушаю голоса внизу — неразборчивые уже, просто фон. Слушаю, как тайга дышит. Где-то далеко кричит птица — один раз, резко, и замолкает. Ветер качает верхушки кедров.

И я — улыбаюсь.

Не потому, что смешно. Или легко. Потому что это моё. Этот дворец, эти голоса, эта тайга, этот рассвет с тремя лунами, которых больше нет на небе. Этот посох в руке. Эти триглавы на запястьях.

Я выбрала это.

Не попала. Не была заброшена, не оказалась здесь случайно. Да, первый шаг — ритуал в Коломенском, Купала, — любопытство вместо веры.

Но всё, что после — я.

Каждый выбор. Каждое слово, сказанное и не сказанное. Каждая ночь и каждое утро.

Я открываю глаза.

Триглавы на запястьях горят тихо — три цвета, едва различимые в утреннем свете. Золотой. Серебряный. Голубой.

Огонь. Свет. Лёд.

Три силы. Не мои и не чужие — просто части целого, которым я теперь являюсь.

Снизу — снова Велес. Резче. Морозко отвечает — так же ровно. Потом — пауза. Потом — Велес опять, и в голосе что-то сдвинулось, стало чуть менее острым.

Прогресс.

Я смотрю на тайгу последний раз.

Где-то там — разломы. Где-то там — волхвы, которые ещё не знают, кто они. Как я когда-то. Где-то там — Чернобог, который просачивается сквозь трещины в мире.

И где-то — та другая я, со сломанным посохом и золотыми пустыми глазами. Шепчет в отражение чёрной воды: *ты опоздаешь*.

Может быть.

Но я ещё не опоздала.

Посох в руке. Триглавы горят. Рассвет — белый, холодный, прозрачный — накрывает тайгу целиком.

Я разворачиваюсь и иду внутрь.

Надо разнять их до завтрака.

Глава 2

Зимний сад пахнет инеем и чем-то острым — хвоей, может быть, или смолой. Трудно сказать точно. Деревья здесь замёрзшие, но запах остался. Как память о том, чем они были.

Я прихожу раньше всех.

Стол уже накрыт — дворец позаботился. Дворец всегда заботится: хлеб, масло, мёд в глиняной плошке, травяной чай в кувшине с инеем на боках. Ягоды — тёмные, почти чёрные, не знаю, что это или откуда. Не спрашиваю.

Сажусь.

Сад вокруг стола — замороженные яблони, замороженные розы, замороженная трава у корней. Всё покрыто белым, всё сохранило форму. Роза стоит как настоящая — лепестки открыты, будто только что расцвела. Просто холодная. Просто без запаха. Просто без жизни.

Красота без жизни.

Морена приходит второй.

Для существа с такой репутацией двигается почти незаметно. Садится напротив меня, не здороваясь. Берёт ягоды, ест молча. Смотрит на замороженные розы с выражением человека, который давно решил ничему не удивляться.

Я наливаю себе чай.

Она наливает себе.

Между нами — тишина, которая уже не неловкая. Это заняло время. Первые две недели любое молчание с Мореной ощущалось как натянутая струна — одно слово не так, и что-нибудь лопнет. Сейчас — просто тишина. Утренняя, обычная.

— Опять спорили, — говорит она. Не вопрос.

— С рассвета.

Морена смотрит на меня. В тёмно-карих глазах — золотые искры. Глаза Велеса. — И ты не разнимала.

— Ещё нет.

Что-то в её лице — почти улыбка. Не совсем. Но рядом.

Световид приходит третьим.

Я слышу его раньше, чем вижу — лёгкие шаги, почти без звука, но дворец реагирует на него иначе, чем на других. Иней на стенах становится чуть светлее. Едва заметно. Я замечаю.

Он входит в сад — высокий, пепельно-русые волосы убраны в косу, руны на предплечьях чуть светятся. Утро у него в глазах — буквально. Световид всегда такой с рассвета. Как будто заряжается.

Кивает мне. Кивает Морене.

Морена смотрит в сторону.

Тоже прогресс — раньше она вообще не реагировала на его появление.

Световид садится справа от меня, наливает чай. Берёт хлеб. Смотрит на замороженную яблоню у стены с таким выражением, будто она ему что-то говорит.

Может, говорит. С него станется.

Велес входит быстро, как всегда — как будто любое пространство нужно занять немедленно, всем телом, всем присутствием. Чёрные волосы, тёмные глаза, горячий воздух вокруг него, который дворец терпит с очевидным усилием.

Смотрит на стол. На меня. На Световида рядом со мной.

Пауза — быстрая, почти незаметная.

Садится слева.

— Хлеб, — говорит он и тянется к корзине через весь стол, потому что попросить — не его метод.

— Пожалуйста, — говорю я.

Велес смотрит на меня. Я смотрю на него. Он берёт хлеб.

— Пожалуйста, — повторяет он с такой интонацией, что непонятно — издевается или нет.

Я решаю, что не важно.

Морозко приходит без звука.

Он всегда без звука — просто в какой-то момент его нет, а в следующий — он уже здесь. Сидит во главе стола, прямой, белоснежный, с морозными узорами на запястьях, которые медленно меняются. Дышит — пар, как всегда.

Никто не слышал, как он вошёл.

Никто уже не удивляется.

Морозко смотрит на стол. На нас — всех пятерых, первый раз за всё время — вот так, все вместе, без срочности, без кризиса.

Просто завтрак.

Велес намазывает хлеб и делает вид, что не замечает взгляда Морозко. Световид берёт ягоды. Морена смотрит на замороженные розы. Я держу кружку двумя руками — тепло, насколько вообще бывает тепло в этом дворце.

Тихо.

Первый раз — по-настоящему тихо. Без напряжения под тишиной. Без ощущения, что кто-то сейчас скажет что-нибудь не то и всё рассыплется.

Просто — утро. Просто — завтрак. Просто — пятеро за столом.

Я делаю глоток чая.

— Один хранитель не держит ничего, — говорит Морозко.

Он не смотрит ни на кого — изучает кружку в руках, поворачивает её медленно. Глиняная, простая. Иней не тает на его пальцах.

— Только система.

Пауза.

Велес перестаёт жевать. Световид поднимает взгляд от ягод. Морена — я чувствую — чуть напрягается, хотя внешне ничего не меняется.

Я намазываю хлеб маслом.

Медленно. Ровно.

— Глубокая мысль, — говорит Морена. В голосе — что-то острое, как всегда. — Для существа, которое три тысячи лет жило одно.

Морозко, не поднимая голоса:

— Именно поэтому я это знаю.

Тишина.

Другая тишина — не утренняя. Та, которая приходит после слов, у которых есть вес. Которые падают на стол и остаются лежать.

Я чувствую, как Велес и Световид одновременно — один слева, другой справа — смотрят на меня.

Не говорю ничего.

Намазываю хлеб до конца. Ровно, от края до края. Кладу нож. Беру кусок.

Это тоже выбор — когда замечать, когда нет. Когда отвечать, когда позволить словам просто упасть и лежать, пока каждый не решит, что с ними делать.

Велес первым нарушает.

— Это к чему, — говорит он. Не вопрос. Утверждение. Или попытка утверждения.

Морозко поднимает взгляд.

Смотрит на Велеса — долго, без спешки. Голубые глаза без зрачков. Морозный узор на скуле медленно меняет форму — был острый, стал округлый.

— К утру, — говорит он наконец.

Велес открывает рот.

— Велес, — говорю я.

Он закрывает.

Световид смотрит в свою кружку. Я знаю это выражение — он прячет что-то. Удовлетворение, скорее всего.

Морена берёт ещё ягод.

— Система, — повторяет она задумчиво. Пробует слово на вкус, как пробуют незнакомую еду. — Три тысячи лет одному, и пришёл к системе.

— Долго шёл, — соглашается Морозко.

Морена смотрит на него. Что-то в её лице — сложное, многоуровневое. Я не умею ещё это читать полностью. Только отдельные слои. Сарказм — сверху. Под ним — что-то похожее на интерес. Под интересом — что-то, у чего пока нет названия.

Она отворачивается к розам.

Доедаем молча.

Хлеб. Мёд. Ягоды. Травяной чай, который во дворце всегда немного горчит — я так и не поняла, почему. Свет в саду постепенно меняется — рассвет переходит в утро, белый холодный свет через ледяные стены становится чуть мягче.

Чуть.

Этот сад никогда не бывает по-настоящему тёплым.

Я смотрю на замороженную яблоню. На розу у дальней стены — лепестки тронуты желтоватым, будто осень заморозили прямо посередине. На траву, которая стоит пучками, ровная, как нарисованная.

Красота без жизни.

И всё-таки — красота.

Посох прислонён к моему стулу. Я привыкла держать его рядом — не потому, что боюсь, а потому, что он чувствует то, что я пропускаю. Сейчас молчит. Лежит тихо, не тяжелеет, не реагирует.

Значит, пока спокойно.

Пока.

Световид встаёт первым — всегда встаёт первым, у него утренний ритуал, библиотека, свитки, которые он разбирает с методичностью, которой я не перестаю немного завидовать.

— Разломы, — говорит он, ни к кому особо не обращаясь. — За нейтральной территорией появился еще один ночью.

— Знаю, — говорю я.

— Посмотрим?

— После завтрака.

Он кивает. Уходит.

Велес смотрит ему вслед. Потом — на меня. Потом — в кружку.

— Система, — говорит он наконец, очень тихо. Как будто повторяет про себя, проверяет. Как будто слово ему не нравится, но и возразить нечем.

Морозко встаёт. Бесшумно. Уходит — так же, как появился. Просто в какой-то момент стула уже нет, и морозных узоров нет, и пара дыхания нет.

Остаёмся трое — я, Велес, Морена.

Морена доедает последние ягоды. Встаёт, не глядя ни на кого. Уходит через другую дверь.

Велес молчит.

Я допиваю чай.

— Один хранитель не держит ничего, — повторяю я негромко.

Велес смотрит на меня.

Я смотрю на замороженную розу у стены.
Лепестки. Заморозили прямо посередине цветения. Красивые. Мёртвые. Неизменные.
Я беру посох, встаю.
И иду за Световидом.

Глава 3

Нейтральная тайга молчит.

Не так, как молчит лес, когда просто нет ветра. Иначе. Глубже. Как будто всё живое здесь договорилось не издавать звуков — птицы, звери, даже деревья. Даже смола не капает с коры. Даже снег не скрипит под ногами так, как должен скрипеть.

Эта тишина особенно громкая после полёта. Я спускаюсь с серебристо-белого дракона. Чешуя светится. Полупрозрачные — как стрекозиные, крылья поддерживают. Световид смотрит за мной всеми четырьмя глазами. Убеждается, что я в порядке. Это никуда не делось.

Посох в правой руке. Не опираюсь на него — просто держу. Он сам подскажет, когда нужно будет что-то делать. Уже подсказывал. Уже не первый раз.

Световид уже в человеческой форме. Я не слышу, как изменяется — он умеет двигаться так, что тайга не замечает. Серебристое что-то на краю внимания, спокойное, ровное. Не тревожит.

Я замечаю разлом.

Сначала — посох.

Тяжелеет в руке. Чуть-чуть, почти неощутимо. Потом — ещё. Я останавливаюсь.

Стою.

Смотрю вперёд.

Между двумя кедрами — воздух. Просто воздух, на первый взгляд. Утренний, холодный, с белёсой дымкой у корней. Обычный.

Но — нет.

Не обычный.

Я делаю ещё три шага — медленно, осторожно, как ходят по льду, когда не знают толщины.

Видю.

Трещина. Вертикальная, тонкая, в рост человека. Не в дереве — в воздухе. В самом воздухе, как будто кто-то взял и разрезал пространство вдоль, и края не срослись. Через неё — темнота. Не ночь, не тень. Темнота другого рода. Та, в которой нет ни света, ни его отсутствия — просто ничего.

Смотрю на неё.

Она не смотрит в ответ.

Это и есть странное — разломы не смотрят. Не тянутся. Не атакуют. Просто — есть. Просто существуют, как рана, которая не болит, пока не тронешь.

Световид тихо встаёт рядом.

— Новый, — говорю я. — С ночи.

— Да.

Я поднимаю посох.

Не для удара. Просто — поднимаю, держу перед собой горизонтально, триглав наверху смотрит на разлом. Жду.

Посох молчит.

Тогда я делаю то, чему научилась за три месяца — не думать, а слушать. Отпустить контроль. Позволить трём силам внутри просто быть — не управлять ими, не направлять. Просто быть.

Огонь откликается первым — всегда первым, горячий, нетерпеливый. Тянется к разлому, как тянется к чему угодно незнакомому.

Свет — следом. Холоднее, ровнее. Сканирует.

Лёд — последним. Медленно, осторожно. Ощупывает края.

И через лёд — я чувствую.

Это не существо.

Я ожидала существо. Что-то с формой, с намерением, с голосом. Велес рассказывал про навых, про тёмных духов, про то, как Чернобог посылает вперёд мелкую нечисть — шупальца, разведчиков.

Это не они.

Это... давление.

Рассеянное. Огромное. Как будто за трещиной стоит что-то настолько большое, что не умещается в форму. Не ходит, не смотрит, не думает — просто существует и давит. Медленно. Равномерно. Как вода давит на плотину — не злобно, не целенаправленно. Давит, потому что такова её природа.

Я отступаю на шаг.

Посох тяжелеет сильнее.

— Чувствуешь? — спрашивает Световид.

— Да.

— Что именно?

Я думаю, как назвать.

— Запах гари, — говорю наконец. — До пожара. Когда огня ещё нет, но уже понятно — будет.

Световид молчит секунду.

— Точно, — говорит он тихо.

Я закрываю разлом.

Не так, как закрывают рану — не залечиваю, не сращиваю. Это я поняла ещё на третий раз: разломы не лечатся. Они закрываются — временно, как закрывают дверь, зная, что замок ненадёжный. Потом их нужно закрывать снова.

Посох в обеих руках. Три силы — одновременно, не по очереди. Это самое сложное. Огонь хочет быстро и с размахом. Свет хочет точно и аккуратно. Лёд хочет медленно и навсегда. Держать их вместе — как держать трёх своенравных зверей на одном поводке.

Я держу.

Трещина сжимается — медленно, с сопротивлением. Края темноты тянутся друг к другу, как будто не хотят. Как будто за ними что-то держит, не пускает. Давление — то самое, рассеянное и огромное — толкает в ответ.

Я толкаю сильнее.

Посох горит в руках — не горячо, не больно. Просто горит. Три цвета: золотой, серебряный, голубой.

Трещина закрывается.

Воздух между кедром — просто воздух.

Тишина возвращается — та самая, особенная. Но теперь в ней что-то изменилось. Чуть теплее. Чуть живее. Птица где-то далеко пробует голос — осторожно, как пробуют воду ногой.

Потом замолкает.

Я выдыхаю.

Световид стоит рядом — молчит, смотрит на место, где была трещина. В серых глазах — золотые вспышки, как всегда, когда он думает о чём-то серьёзном.

— Сколько их, — говорю я.

— Сегодня утром — семь, которые я нашёл в свитках. — Пауза. — Реальных может быть больше.

Семь.

Я смотрю на тайгу вокруг. Бесконечную, тёмную, молчащую. Сколько трещин в ней прямо сейчас — в воздухе, в земле, на границах владений. Сколько мест, где давление просачивается медленно и равномерно, как вода через камень.

— Я не успею, — говорю я.

Световид смотрит на меня.

— Одна — не успеешь, — говорит он.

Только это. Без продолжения. Без объяснений.

Я знаю, что он имеет в виду.

Идём обратно.

Тайга постепенно оживает — птица снова пробует голос, на этот раз дольше. Ветер качает верхушки кедров. Снег скрипит под ногами — уже нормально, уже как должен.

Световид идёт рядом.

— Свитки, — говорю я. — Что ты нашёл.

Он не удивляется вопросу. Знал, что спрошу.

— Линии волхвов, — говорит он. Голос ровный, но под ровностью — что-то, что я научилась слышать. Осторожность. Как будто слова хрупкие и с ними надо аккуратно. — После Крещения часть родов ушла в подполье. Прятала знания, прятала кровь. Передавала тайно — по женской линии, через поколения. Большинство угасло.

— Большинство, — повторяю я.

— Не все.

Пауза.

Я жду.

Световид останавливается.

Я останавливаюсь рядом.

Он смотрит на тайгу — туда, где солнце начинает пробиваться через кроны. Редко, золотыми полосами. Руны на его предплечьях светятся слабо — рассеянно.

— В трёх свитках, — говорит он медленно, — упоминаются потомки. Линии, которые должны были продолжиться. Не угаснуть — уйти глубоко. Законсервироваться. Ждать.

— Ждать чего.

Он смотрит на меня.

— Волхва, — говорит он. — Настоящего. Того, кто пройдёт ритуал и разбудит кровь вокруг себя.

Я молчу.

Думаю о том, что три месяца назад я стояла в ритуальном круге с посохом и тремя силами внутри, и что-то изменилось в мире — я это чувствовала, но не называла.

Теперь называю.

— Потомки, — говорю я.

Слово в тайге звучит иначе, чем звучало бы в дворцовых стенах. Тяжелее. Настоящее.

— Потомки, — подтверждает Световид.

— Сколько их? — спрашиваю я.

— Точно неизвестно. В свитках — следы девяти линий.

Девять.

— Живых?

— Кровь живая, — говорит Световид. Осторожно. — Угасшие, но не мёртвые.

Я смотрю на посох в руке.

Триглав смотрит вперёд.

— Возвращаемся? — говорит Световид.

Не ждёт ответа. Трансформируется.

Дворец появляется из-за деревьев — постепенно, как всегда. Сначала — блеск льда между кронами. Потом — очертания башен. Потом — весь, целиком, переливающийся синим и белым в утреннем свете.

Мой дворец.

У входа — иней на камне складывается в один вопрос. Без слов — просто форма, которую я научилась читать. Дворец спрашивает: как?

— Закрыто, — говорю я вслух.

Иней рассыпается. Складывается заново — завиток, лёгкий, почти весёлый.

Хорошо.

Световид за спиной говорит тихо — не мне, себе:

— Нам нужно больше волхвов. Больше тех, кто сможет закрывать новые разломы. Ты одна не справишься, Мила.

Я останавливаюсь у входа.

Смотрю на тайгу — последний раз, прежде чем войти. Бесконечную. Живую. Полную трещин в воздухе, которые я не вижу, но чувствую — семь, или больше, или намного больше.

Давление. Рассеянное. Огромное.

Запах гари до пожара.

— Знаю, — говорю я.

И вхожу.

Глава 4

После разломов я иду в библиотеку.

Здесь пахнет старой бумагой и чем-то смолистым — свитки, которым тысяча лет, дышат иначе, чем книги. Тяжелее. Гуще.

Здесь я думаю лучше.

Сажусь за стол у окна — ледяное, с узорами, которые никогда не повторяются. Кладу посох рядом. Открываю свиток, который Световид оставил с утра — закладка из бересты, аккуратная.

Читаю.

Старославянский я понимаю теперь лучше, чем три месяца назад. Не идеально — некоторые слова приходится угадывать по контексту, некоторые просить объяснить. Но в целом — читаю. Медленно, вдумчиво.

Свиток про линии волхвов.

Про угасшие рода.

Про кровь, которая ждёт.

Голоса я слышу не сразу.

Сначала — просто фон. Дворец что-то глушит намертво, что-то усиливает так, что слышно через три коридора. Никакой логики в этом нет — или есть, но я её ещё не поняла.

Сейчас дворец, видимо, решил, что мне нужно знать.

Голоса из коридора. Приоткрытая дверь — я не заметила, когда она приоткрылась. Только что была закрытой.

Я откладываю свиток.

Слушаю.

— Ты ела сегодня?

Велес.

— Что за вопрос.

Морена. Голос ровный, но в нём — то самое. Напряжение, которое всегда под поверхностью. Как лёд на реке: сверху гладко, но слышно, как трещит под ногами.

— Нормальный вопрос.

— Не нянчись.

— Я не нянчусь.

— Велес.

— Что — Велес.

— Хватит за мной ходить и следить.

Пауза.

— Я просто...

— Не просто. Ты как будто ждешь, что я сломаюсь. И еще хуже в этом проклятом дворце. Ты знаешь, я сейчас сильнее тебя. Я поднимаю мёртвых и вытягиваю жизненные силы. Не наоборот.

Я тихо встаю. Иду к двери. Щель узкая, но достаточная.

Коридор.

Морена стоит у стены — прямая, руки опущены. Чёрные волосы с фиолетовым отливом убраны назад. На запястьях — шрамы, которые я уже видела. Старые. Глубокие. Следы от попыток вырваться из кристалла руками.

Она не прячет их. Никогда не прячет.

Велес стоит напротив. Смотрит на сестру с выражением, которое я видела у него только один раз — после ритуала со Змеем. Тогда я не понимала. Сейчас понимаю.

Страх.

Не тот страх, который кричит и двигается. Тот, который стоит очень тихо и очень прямо, и держит его именно потому, что иначе нельзя.

— Семьсот лет, — говорит он наконец.

— Да, — говорит Морена. — Семьсот лет. Я знаю.

— Я не мог.

— Знаю.

— Морена.

— Велес. — Голос. Не мягче, но — иначе. — Я знаю. Я знаю.

— Ты злишься.

— Да. Злюсь. — Она смотрит на него прямо. — Но не на тебя. На всё. На Змея. На время.

На то, что семьсот лет прошло, а я стою в коридоре и не знаю как — просто как жить обычный день. — Пауза. — И злюсь, что ты смотришь на меня вот так.

— Как — вот так.

— Как будто я все еще в том кристалле.

Тишина.

Велес молчит. Долго — для него долго. Смотрит на сестру. Что-то в его лице работает — медленно, как работает что-то тяжёлое. Жернова.

— Хватит, — говорит Морена. Тише, чем раньше. — Достаточно.

Шаги.

С другой стороны коридора.

Я узнаю их раньше, чем успеваю подумать почему. Звука почти нет. Меняется температура. Чуть. Воздух становится холоднее на градус.

Морозко.

Идёт не быстро, не медленно. Белые волосы, морозные узоры на запястьях. Глаза — ледяные, без зрачков, светятся ровно.

Делает вид, что идёт по делу.

Мимо.

Просто мимо.

Велес замечает его первым — оборачивается, смотрит с привычным выражением: что нужно, что происходит, зачем ты здесь.

Морозко идёт.

Не останавливается.

Но — смотрит на Морену.

Одна секунда. Может быть, меньше. Просто — взгляд. Без слов, без жеста. Голубые глаза на долю секунды останавливаются на её лице, на руках с шрамами на запястьях, на том, как она стоит у стены — прямо, устало, не сломанно.

Потом — уходит за поворот.

Шаги затихают.

Морена смотрит ему вслед.

Я вижу её лицо в профиль.

За три месяца я научилась читать её. Злость — умею. Сарказм — умею. Усталость — умею. Даже редкую, почти случайную мягкость — умею.

Что сейчас — не знаю.

Она смотрит в пустой коридор.

Долго.

Потом отворачивается.

Велес это видит.

Я вижу, что Велес это видит.

Он смотрит на сестру — на её профиль, на то, куда она смотрела секунду назад. Потом — в коридор, где уже никого нет. Потом — снова на Морену.

Что-то в его лице.

Не злость. Не тревога. Что-то сложнее. Что-то, у чего я тоже не сразу нахожу название.

Узнавание, может быть.

Как будто он видит что-то, что уже где-то видел — но не ожидал увидеть здесь. Не сейчас. Не у неё.

Морена чувствует его взгляд.

Оборачивается.

— Что, — говорит она. Резко. Защитно. Как человек, которого поймали на чём-то, хотя он ещё сам не знает, на чём.

Велес молчит секунду.

— Ничего, — говорит он.

И в его голосе — что-то такое, чего я раньше у него не слышала. Тихое. Почти осторожное.

Я отхожу от двери.

Тихо. Медленно. Один шаг, второй, третий — назад, в глубину библиотеки.

Сажусь за стол.

Беру свиток — тот же, про линии волхвов. Смотрю в него. Буквы старославянские, аккуратные, выцветшие.

Не читаю.

Думаю.

Посох у стола молчит.

За окном — тайга. Бесконечная, тёмная, с разломами в воздухе, которых я не вижу отсюда, но чувствую.

Потомки где-то там.

Девять линий.

Кровь, которая ждёт.

Я возвращаюсь к свитку.

Читаю.

Глава 5

Дворец будит меня в три часа ночи.

Не звуком. Не движением. Просто — я сплю, и потом не сплю. Граница чёткая, как разлом в воздухе. Только что была темнота, и сразу — нет.

Я лежу и смотрю в потолок.

Потолок в моей комнате — лёд, гладкий, тёмный. В нём отражается слабый свет, который приходит снаружи — три луны, северное сияние, что-то ещё. Ночью дворец светится иначе, чем днём. Глубже. Как будто внутри него что-то просыпается, когда снаружи темнеет.

Жду.

Дворец будит меня не просто так. За три месяца я это поняла. Если разбудил — значит нужно.

Иней на стенах начинает меняться.

Сначала медленно.

Обычные узоры — завитки, ветви, геометрические линии — расплываются. Тают. Переформируются. Я сажусь на кровати, не отрываю взгляд от стены справа.

Иней собирается в точки.

Девять точек.

Разбросаны по стене хаотично — нет, не хаотично. Я встаю, подхожу ближе. Смотрю. Между точками — тонкие линии. Не прямые. Изогнутые, как реки на карте. Как дороги в лесу. Как нити.

Карта.

Я провожу пальцем по одной из точек — осторожно, не касаясь. Иней вокруг неё светлеет. Разгорается — слабо, как уголь под золой, когда на него дуют.

Тепло.

Не физическое — другое. Что-то живое. Что-то, у чего есть пульс.

Я отступаю на шаг. Смотрю на всю стену целиком.

Девять точек. Девять огней — маленьких, едва различимых. Разбросаны по Навью и дальше, за его пределами, туда, где карта переходит в другое — в мир, который я почти забыла. В Явь, в человеческое, в Москву и за Москву.

Стою и смотрю долго.

Потом иду будить Световида.

Он не спит.

Это не удивляет. Световид редко спит по ночам — или спит мало, или вовсе не ложится, если в библиотеке есть что-то недочитанное. Я нахожу его там же — в библиотеке, за столом, со свитком и кристаллом-светильником. Руны на предплечьях светятся ровно.

Поднимает взгляд, когда я вхожу.

— Дворец, — говорю я.

Он встаёт.

В моей комнате мы стоим перед стеной и молчим.

Световид смотрит на карту. Я смотрю на него — на то, как меняется его лицо. Медленно. Осторожно.

— Нужны свитки. Я вернусь, подожди. — говорит он наконец.

Уходит.

Возвращается через четверть часа с тремя свитками и картой — старой, на коже, с обозначениями, которые я не умею читать. Раскладывает на полу прямо под стеной. Наклоняется. Сверяет.

Я жду.

За окном — ночь. Три луны. Северное сияние движется медленно — зелёное, синее, белое. Дворец не издаёт звуков. Даже иней на других стенах замер.

Световид выпрямляется.

Смотрит на меня.

— Совпадает, — говорит он.

— Все девять?

— Все девять.

Утром Велес первым входит в библиотеку.

Мы со Световидом уже здесь. Свитки разложены. Карта на столе. Точки отмечены — я переносила их ночью, пока Световид сверял. Рука от карандаша немного болит. Я не замечала, пока не рассвело.

Велес смотрит на стол. На меня. На Световида.

— Не спали? Вместе? — говорит он.

— Велес. Пожалуйста, садись, — говорю я.

Он садится.

Смотрит на карту — на девять отметин, разбросанных по Навью и за его пределами. Я вижу, как он считает. Один, два, три — быстро, привычно.

— Что это.

— Линии волхвов, — говорит Световид. — Потомки.

Велес смотрит на него. Потом — на меня.

— Они живые?

— Кровь живая.

Пауза.

Велес опускает взгляд обратно на карту. Молчит. В тёмно-карих глазах — что-то движется, что-то считается и взвешивается.

— Как давно вы знаете?

— Ночью дворец показал, — говорю я. — Световид сверил со свитками. Совпадение точное.

— Значит, они просыпаются, — говорит Велес. Не вопрос.

— Или уже проснулись.

Он встаёт. Обходит стол. Смотрит на карту с другой стороны.

— Где это, — он указывает на крайнюю отметину. Ту, которая дальше всего от дворца.

— За Явью, — говорит Световид. — Урал.

— А это?

— Петербург.

— А здесь?

— Это, — говорю я, — рядом с нейтральной территорией. В Навье. Хутор на границе.

Велес смотрит на меня.

— В Навье есть другой волхв?

— Был всегда. Просто не знал.

Морозко входит без звука.

Мы все трое слышим это — точнее, не слышим. Просто в какой-то момент он есть. Стоит у стены с картой, смотрит на девять точек. Узоры на запястьях неподвижны — значит, не удивлён. Значит, уже знает.

Конечно, знает.

Дворец — его. Всё, что делает дворец, он чувствует первым.

Морозко смотрит на карту долго. Потом — на меня.

— Дворец их почувствовал, — говорит он. — Кровь проснулась. Они уже не просто потомки. — Пауза. — Значит, Чернобог тоже.

Тишина.

Световид смотрит на карту.

Велес смотрит на меня.

Морозко стоит у стены и ждёт.

Я смотрю на девять точек.

Девять огней на инее — ночью они светились, как угли. Сейчас — просто отметины на карте. Но я помню, как они выглядели в темноте. Живые. Тёплые. Пульсирующие.

Люди, которые не знают, кто они.

Люди, которых Чернобог тоже почувствовал.

Разломы появляются там, где долго не было живой магии. Заброшенные капища. Места, где кровь иссякла. Но кровь, которая просыпается — это живая магия. Это огни в темноте. Это маяки.

Для нас.

И для него.

Я смотрю на карту и думаю о давлении — рассеянном, огромном, которое я чувствую через разломы. О запахе гари до пожара. О том, как трещина в воздухе между кедрами сопротивлялась, когда я её закрывала. Как будто за ней что-то держало.

Девять огней.

Людей, которые только проснулись — и не знают, что на них уже смотрят.

Световид разворачивает следующий свиток — аккуратно, без спешки, но быстро. Кладёт рядом с картой. Указывает на строку.

— Здесь упоминается, что потомки не выживают в одиночку, — говорит он. — После пробуждения — они уязвимы. Дар есть, контроля нет. Разломы к ним тянутся раньше, чем они понимают, что происходит.

— Как быстро? — говорю я.

— Зависит от силы линии. — Пауза. — Недели. Может, меньше.

Недели.

Я смотрю на карту. На девять точек.

Урал. Петербург. Нейтральная территория. Москва — кажется, Москва тоже есть, вот эта, ближняя. Ещё четыре, которые я не успела расспросить.

Световид отмечает что-то в свитке. Морозко по-прежнему стоит у стены — неподвижный, как и полагается воплощению зимы. Велес смотрит на карту с выражением человека, который уже просчитывает маршруты.

Я смотрю на карту. На девять огней, которые горят где-то прямо сейчас — в Навье, в Яви, на хуторах и в городах. В местах, где граница между мирами тонкая и живая.

Девять людей. Волхвов.

Чернобог.

Гонка.

Глава 6

Совет начинается плохо.

Это я понимаю ещё до того, как все садятся. По тому, как Велес входит — быстро, с порога, без предисловий. По тому, как Световид занимает место у окна, а не за столом — чуть в стороне, чуть отдельно. По тому, как Морена садится последней, скрещивает руки и смотрит в стену с видом человека, который пришёл из вежливости.

Карта на столе. Девять точек.

Я стою во главе стола и жду, пока все успокоятся.

Никто не успокаивается.

— Идём, — говорит Велес.

Сразу. С первого слова. Без вступления, без предисловия, без — давайте обсудим.

— Куда именно, — говорит Световид от окна. Голос ровный. Слишком ровный.

— Туда. — Велес указывает на карту. — К ним. Берём ближних первыми, потом дальних.

Быстро, пока Чернобог не успел.

— Берём, — повторяет Световид. — Интересное слово.

— Ты понял, что я имею в виду.

— Именно поэтому и говорю.

Я смотрю на них по очереди.

Велес стоит, опирается на стол обеими руками — горячий воздух вокруг него, чёрные волосы, тёмные глаза начинают светить золотом на Световида.

Световид у окна — прямой, спокойный, пепельная коса через плечо.

— Силой ты их не найдёшь, — говорит Световид. — Они нас не знают. Явятся двое — два дракона — к людям, которые только проснулись, которые не понимают, что с ними происходит. Результат предсказуем.

— Тогда полечу с Милой. Она убедит.

— Она не может идти к девяти точкам одновременно.

— Значит, по очереди. Значит, быстро.

— Быстро — это как быстро? — Световид наконец отходит от окна. Кладёт ладонь на карту. — Здесь — Урал. Здесь — Петербург. Здесь — нейтральная территория. Это не один день. И пока вы полетите к первым трём, разломы рядом с остальными шестью...

— Я знаю, светлый! — Велес срывается.

— Тогда говори как, а не просто — быстро, — добавляет Световид спокойно, но в голосе читается напряжение.

Пауза.

Велес выпрямляется. Отходит от стола. Это я тоже уже научилась читать — когда он отступает физически, значит, сдерживается. Это его версия терпения.

— Хорошо, — говорит он. — Как тогда.

— Подождите, — говорю я.

Оба смотрят на меня.

Я указываю на Морозко.

Морозко сидит во главе стола — напротив меня, через всю длину. Прямой, белоснежный, ледяные глаза смотрят в карту. Узоры на запястьях медленно движутся — спокойно. Он молчит с начала разговора.

— Ты, — говорю я.

— Я, — соглашается он.

— Ты можешь идти с нами?

Пауза.

Не долгая — но значимая.

— Не могу, — говорит Морозко. — Надолго. Дворец держит пока я здесь. — Пауза. — Несколько дней — возможно. Больше — нет.

Световид кивает — он это знал, ждал подтверждения.

Велес смотрит на Морозко с выражением человека, который хотел бы поспорить, но не находит с чем именно.

— Значит, — говорю я, — нас трое.

— Стоп, — говорит Морена.

Все замолкают.

Это не часто бывает — чтобы Морена говорила на таких советах. Она сидела, скрестив руки, смотрела в стену всё это время.

Теперь смотрит на нас.

— Вы спрашиваете, как найти, — говорит она. Голос ровный, без интонаций. — А нужно — кто знает, где искать.

Пауза.

Световид первым понимает. Я вижу, как что-то меняется в его лице.

Велес — через секунду.

Я — одновременно с ним.

— Яга, — говорим мы трое одновременно.

Морена смотрит на нас с видом человека, которому неловко за качество собеседников, но он терпит.

— Яга, — подтверждает она.

Тишина.

Другая — не напряжённая. Рабочая.

Световид возвращается к карте. Смотрит на точки. Что-то считает.

Велес садится — первый раз за весь разговор.

Я смотрю на Морозко.

Он смотрит на карту. Морозный узор на его скулах — спокойный, ровный. Не против. Я это читаю без слов.

Яга нейтральна. Морозко с нейтральными не воюет. Это его принцип, старый и простой.

— Яга не всем открывает дверь, — говорит Световид. Осторожно. Не возражение — уточнение.

— Я знаю, — говорю я.

— Последний раз, когда ты у нее была...

Он замолкает.

Яга открывает дверь тем, кто приходит с правильным вопросом. Это я помню. Я это чувствовала, когда Велес вёл к ней впервые — как что-то менялось по дороге, как лес становился другим, как голоса — чужие, давние, похожие на шёпот чужих писем — нарастали с каждым шагом.

Правильный вопрос.

Тогда у меня был правильный вопрос — я просто не знала этого заранее. Пришла и поняла только там, у порога.

— Я найду вопрос, — говорю я.

— Как, — спрашивает Велес.

Я смотрю на него.

— Пока иду.

Велес смотрит на меня долго.

Потом — на Световида. Потом — на карту.

— Кто идёт, — говорит он наконец.

— Я, — говорю я. — И кто-то один.

— Я иду, — говорит Световид.

Сразу. Без паузы. Не предложение — констатация.

Велес смотрит на него. Что-то в тёмных глазах — сложное, многослойное. Я жду.

Велес кивает.

Я смотрю на них обоих — на то, как они не смотрят друг на друга. На то, как Велес чуть сдвигается на стуле, как будто находит удобное положение, а на самом деле — находит позицию, с которой легче принять то, чему сопротивлялся.

Это тоже прогресс.

— Тогда завтра, — говорю я.

Все смотрят на меня.

— Сегодня — Световид дочитывает свитки, я смотрю разломы. Морозко держит дворец. Морена. — Я смотрю на неё. — Что ты можешь делать с разломами?

Морена поднимает взгляд.

— Я чувствую через них, — говорит она медленно. — Некромантия — слышу, что там. Не вижу. Слышу.

— Значит, будешь слушать. Морозко. Ты знаешь, что важно. Решись, что делать.

Морена смотрит на меня. Что-то в тёмных глазах — сложное. Ревность? Нет. Не совсем. Что-то похожее на оценку.

— Хорошо, — говорит она.

Велес встаёт.

— На мне восточная сторона, — говорит он. Ни к кому конкретно.

Уходит.

Световид подбирает свитки — аккуратно, по порядку. Смотрит на меня. В серых глазах — что-то тихое. Не улыбка. Но рядом.

— Завтра, — говорит он.

— Завтра.

Уходит в библиотеку.

Остаёмся трое — я, Морозко, Морена.

Морена смотрит на карту. На девять точек. Провожу взглядом — медленно, по одной. Её лицо ничего не показывает, но я чувствую — считает. Своим способом, со своего угла.

Морозко встаёт.

— Дворец покажет если ночью будут изменения, — говорит он. Мне.

— Спасибо.

Пауза.

Уходит.

Я беру карту. Сворачиваю. Кладу в сумку рядом с посохом.

— Умно, — говорит Морена вдруг.

Я останавливаюсь.

— Что?

Она не смотрит на меня — смотрит туда, куда ушёл Морозко.

— Сказала ему, что делать, — говорит она. — Он принял. — Пауза. — Велесу бы не понравилось, если бы ему так сказали. Он бы не принял. Раньше.

— Велесу я и не говорила. Он сам решил.

Морена поворачивается.

Смотрит на меня — внимательно. Изучающе. Так она смотрит редко — обычно взгляд скользит мимо или насквозь.

— Это ты специально? — спрашивает она.

Я думаю.

— Наверное, — говорю честно.

Что-то в её лице — почти улыбка. Насмешка. Та самая, которую я уже видела.

Она встаёт. Уходит — тихо, как всегда. Фиолетовый отлив в чёрных волосах. Прямая спина.

У двери останавливается.

— Мила.

— Да.

— Правильный вопрос к Яге — не про потомков.

Я жду.

Морена стоит спиной ко мне. Шрамы на ее руках особенно видны сзади. Пауза — долгая, как будто решает, говорить ли дальше.

— Это про то, что ты будешь с ними делать, когда найдёшь, — говорит она наконец. — Вот, что она захочет услышать.

Уходит.

Я стою у стола.

Карта в сумке. Посох рядом. Дворец тихий — утренний, спокойный, иней на стенах в завитках.

Смотрю на то место на стене, где ночью были девять точек.

Сейчас — просто иней. Просто узоры.

Но я помню, как они светились. Живые. Тёплые. Пульсирующие.

Девять людей, которые не знают, кто они. Которые просыпаются прямо сейчас — в Петербурге, на Урале, в нейтральной тайге, в Москве. Видят странное. Слышат невозможное. Находят объяснения.

И Чернобог — который тоже почувствовал.

Правильный вопрос.

Не про то, где они.

Про то, что я буду с ними делать.

Я беру посох. Триглав на навершии смотрит на стену — на место, где были девять огней.

— Завтра, — говорю я тихо.

Дворец не отвечает.

Но иней на стене делает один медленный завиток — лёгкий, почти незаметный.

Слышу.

Глава 7

Вылетаем на рассвете.

— Мила на мне, – говорит Велес.

— Лучше, если ты привыкнешь держаться за меня. Поможет, когда пойдем на поиски.

— Световид отвечает мне. Не Велесу.

Вижу, что Велес бесится. Инстинктивно. Привык лидировать. Привык указывать. Привыкать к новой мне даётся тяжело.

— Световид прав, — говорю.

Карие глаза вспыхивают золотом и на месте Велеса — смуглого, мужественного и напряженного — огромный черный дракон. Черное пламя вырывается вверх, в воздух. Очень демонстративно. Взлетает.

Дворец провожает нас инеем — узоры на воротах складываются во что-то похожее на дорогу. Длинную, извивающуюся, уходящую вглубь тайги. Я смотрю на неё секунду.

— Спасибо, — говорю дворцу. Взбираюсь по хвосту на Световида, усаживаюсь в чешую перед гривой из перьев.

Иней рассыпается.

Тайга встречает холодом и запахом смолы. Утренняя, тёмная. Солнце можно заметить только над кронами. Летим в полусумерках. Идёт снег. Мягкий, невесомый.

Тайга сменяется.

Дворец держит вокруг себя порядок — деревья прямые, снег ровный, разломы если и появляются, то Морозко чувствует сразу. Здесь, дальше, в нейтральной тайге — иначе. Деревья кривее. Стоят плотнее. Свет между ними — рассеянный, неровный.

Живее.

Страшнее.

Я держусь одной рукой за посох. Посох — как нерв, вынесенный наружу. Реагирует раньше меня. Пока молчит.

Пока.

Велес опустился на поляну, Световид — за ним. Я чувствую, как посох тяжелеет.

Резко — не постепенно, как обычно. Сразу. Спускаюсь и останавливаюсь.

Световид и Велес трансформируются одновременно — они тоже почувствовали. Не посохом. Драконье чутье.

Впереди — берёза.

Старая, кривая, ствол в два обхвата. И рядом с ней — воздух. Тот самый воздух, который не воздух. Трещина — горизонтальная на этот раз, не вертикальная. Тянется от корней берёзы вверх по стволу, выходит в пространство рядом. Тёмная. Без дна.

Небольшая.

Но — есть.

Световид делает шаг вперёд. Я — тоже. Одновременно.

Потом Световид останавливается.

Смотрит на меня.

Я смотрю на него. Понимаю.

Смотрю на Велеса.

Велес стоит. Руки опущены. Смотрит на разлом, потом — на меня. В тёмно-карих глазах — что-то напряжённое, что-то, что хочет сделать само. Взять. Решить. Закрыть вместо меня.

Не двигается.

Стоит.

Я иду к берёзе одна.

Три шага. Четыре. Снег под ногами — тихий. Посох тяжёлый, но ровно — не мешает, предупреждает. Разлом рядом с берёзой чуть крупнее, чем казался издали. Горизонтальный, неровный — как будто не резали, а рвали.

Давление — то самое. Рассеянное, огромное.

Запах.

Я останавливаюсь в шаге от разлома.

Стою.

Три силы внутри — огонь первым, свет следом, лёд последним. Я уже не думаю, как их держать вместе. Просто держу.

Посох поднимаю медленно.

Триглав смотрит на разлом.

Трещина сопротивляется.

Давление толкает в ответ — равномерно, тупо, как вода. Я толкаю сильнее. Три силы — одновременно, в одну точку. Огонь злится на давление и хочет сжечь. Свет ищет края трещины и укрепляет. Лёд замедляет, фиксирует, держит.

Трещина сжимается.

Медленно.

Сопротивляется до последнего — края тёмные, неровные, не хотят. Потом — схлопывается.

Воздух у берёзы — просто воздух.

Я опускаю посох.

Выдыхаю.

Оборачиваюсь.

Световид стоит там, где стоял. Смотрит на берёзу. В серых глазах — золото. Руны на предплечьях светятся ровно — не реагировали.

Велес стоит на шаг позади Световида.

Смотрит на меня.

Я не знаю, что именно в его лице.

Иду обратно к ним.

Световид — когда я подхожу — просто кивает. Один раз. Коротко.

Велес смотрит на меня секунду. Потом отворачивается — к тайге, к дороге, к тому, что впереди.

— Идём, — говорит он.

Идём.

— В третьем свитке была строка, — говорит Световид.

Негромко. Ни к кому особо.

Велес не отвечает. Но и не перебивает — я жду, привычно, когда он скажет что-нибудь острое. Не говорит.

— Про линии, которые угасли на севере, — продолжает Световид. — Я думал — совсем. Оказалось — ушли в Урал. Три поколения назад. Перебрались и затихли.

— Почему Урал, — говорю я.

— Место силы. Другое, не наше, но — сильное. Там граница тонкая иначе. Не как здесь. — Пауза. — Земля другая. Старая.

Молчим.

Тайга вокруг. Кедровые, ели, тёмные стволы. Снег на ветвях — тяжёлый, белый. Где-то высоко птица — одна, неразличимая — перелетает с дерева на дерево.

— Там кузнец, — говорит Световид. — Судя по описанию в свитке. Потомок жреческой линии по отцовской — редкость. Обычно по женской.

Велес молчит.

Я смотрю на него краем глаза.

Он идёт ровно. Смотрит вперёд. В тёмно-карих глазах — что-то движется, но тихо. Думает. Слушает.

Это — странно.

Я понимаю это вдруг, посреди тайги, между кедрами. Велес слушает Световида. Не перебивает. Не возражает. Не переключает разговор на себя.

Просто идёт и слушает.

Я иду между ними и думаю — это, пожалуй, самые странные несколько минут за всё время. С тех пор, как я здесь. С тех пор, как знаю их обоих.

Двое, которые умели существовать рядом только через меня — через спор за меня, через меня как причину и повод — идут по тайге почти мирно.

Почти.

Но рядом.

— Линия по отцовской слабее, — говорит Велес вдруг.

Световид не удивляется вопросу.

— Не обязательно, — говорит он. — По-другому. Женская линия — гибкая, текучая, легче прячется. Мужская — плотнее. Залегает глубже. Труднее пробудить. — Пауза. — Но когда пробуждается — держится крепче.

Велес думает.

— Долго держит разломы?

— Судя по тому, что написано — чувствует их как трещины в породе. Физически. — Световид чуть замедляется — смотрит на что-то между деревьями. Ничего. Просто тень. Идёт дальше. — Представь кузнеца, который чувствует металл иначе, чем другие. Всю жизнь. Думал — профессия.

— Оказалось — кровь, — говорю я тихо.

— Да.

Молчим.

Я думаю о кузнеце на Урале. О том, как это — всю жизнь чувствовать что-то в руках, в металле, в земле под ногами. Думать, что знаешь причину. Потом узнать, что причина другая, глубже, старше тебя на сотни лет.

Думаю о себе — о ритуале в Коломенском, который решила сделать из ниоткуда.

Кровь знала.

Всегда знала.

Световид говорит снова — тихо, ровно. Про свитки. Про потомков. Про то, что одна из линий, судя по описанию, умеет исцелять — не магически, а через связь с живым. Через животных, через землю, через что-то тёплое и прямое.

Велес слушает.

Я иду и думаю о правильном вопросе.

Яга открывает дверь тем, кто приходит с правильным вопросом. Не с правильным ответом. Не с правильной просьбой.

С вопросом.

Морена сказала — не про потомков. Про то, что я буду с ними делать, когда найду.

Я разворачиваю это в голове. Смотрю на него со всех сторон.

Что я буду с ними делать.

Девять человек, которые проснулись. Которые не понимают. Которые, может быть, напуганы. Может, злятся. Может, не верят. Которых Чернобог уже почувствовал — и разломы рядом с ними — это не совпадение, это давление.

Что я буду с ними делать.

Не — как найти. Не — как убедить. Что — делать.

Я думаю об этом и понимаю, что ответа у меня пока нет. Только направление. Только что-то похожее на направление.

Система.

Один хранитель не держит ничего.

Морозко произнёс это за завтраком, глядя в кружку. Небрежно. Как будто просто к слову. Но слова с весом не бывают небрежными.

— Здесь, — говорит Световид вдруг.

Я поднимаю взгляд.

Впереди — поляна.

Маленькая, неровная. Снег на ней нетронутый — ни следов, ни веток, ни птичьих лапок. Просто белый круг в тёмном лесу. По краям — ели, старые, огромные, ветви до земли.

За елями — ничего нет.

Должно быть что-то. Я смотрю — лес, снег, деревья. Обычные.

Но посох тяжелеет.

Не от разлома — по-другому. Не предупреждение. Что-то другое. Как будто он узнаёт место.

— Избушка рядом, — говорит Световид тихо.

— Не вижу, — говорю я.

— Потому что она не хочет. — Пауза. — Пока.

Велес останавливается рядом со мной. Смотрит на поляну. На ели. На белый нетронутый снег.

— Иди.

Велес смотрит на меня.

Я иду на поляну.

Снег под ногами — мягкий. Нетронутый. Ступаю — и первый след на белом. Чёткий, мой.

Иду к центру поляны.

Ели по краям — неподвижные, огромные. Ветви до земли. За ними — тьма, плотная, еловая.

Я останавливаюсь в центре.

Стою.

Посох в руках. Тихо. Тайга не дышит. Птиц нет. Ветра нет.

И я думаю — прямо здесь, прямо сейчас, посреди белой поляны — думаю о вопросе. О правильном вопросе.

Не где они.

Не как найти.

Что я буду с ними делать.

И вдруг — приходит.

Я буду строить что-то.

Не армию. Не отряд. Не инструмент против Чернобога.

Что-то живое.

Систему — как сказал Морозко. Как сказала Морена своим молчанием в конце разговора. Как Световид показывал всё это время — методично, терпеливо, свиток за свитком.

Я буду строить то, чего не было восемьсот лет.

И это и есть вопрос.

Я поднимаю взгляд.

Избушка появляется из-за елей.

Беззвучно. Курьи ноги переступают медленно, тяжело. Бревенчатые стены. Маленькие окна. Крыша в снегу.

Дверь открывается прежде, чем я делаю шаг.

— Долго шла, — говорит Яга.

Я смотрю на неё — маленькую, сухую, с глазами, в которых всё время что-то движется.

Сейчас — старуха. Всегда сначала старуха.

— Пришла же, — говорю я.

Яга смотрит на меня.

Долго.

Дольше, чем в прошлый раз.

— Это да, — говорит она наконец.

И отступает в сторону.

Глава 8

Внутри — больше, чем снаружи.

Это я знала. Помнила с прошлого раза. Но знать и видеть — разное.

Комната первая — большая. Потолок высокий, балки тёмные, с пучками трав. Запах — сложный, многослойный. Сухие цветы, воск, что-то острое, что-то сладкое, что-то совсем старое. Полки вдоль всех стен — до потолка. На них: склянки, свитки, кости, камни, ткань, корни, ещё склянки. Бесконечно разные.

Печь — живая. Огонь в ней горит сам, без дров. Или с дровами, но я не вижу.

Яга садится у печи.

Указывает на табурет напротив.

Я сажусь.

Посох между коленей. Триглав смотрит на Ягу. Яга смотрит на триглав. Потом — на меня.

Молчим.

Снаружи — тайга. Световид и Велес. Я не слышу их. Дверь закрылась и мир за ней стал другим — дальним, неважным. Здесь — только избушка. Только огонь. Только Яга с её подвижными глазами.

— Давно не было Волхва, — говорит она наконец.

— Знаю.

— Восемьсот лет. — Пауза. — Ты знаешь, что значит — восемьсот лет?

— Нет.

Она смотрит на меня.

— Честно, — говорит она. Не похвала. Констатация.

Встаёт. Идёт к полке — медленно, без спешки. Пальцы скользят по склянкам, по свиткам, по чему-то, что я не успеваю разглядеть. Находит что-то. Возвращается.

Садится.

Кладёт между нами — на низкий стол, которого, кажется, секунду назад не было — маленький камень. Тёмный. Блестящий.

— Восемьсот лет, — говорит Яга, — это много мёртвых. Много угасших линий. Мир учится жить без хранителей — и разучивается быть живым.

Я смотрю на камень.

— И когда появляется Волхв, — продолжает она, — мир вспоминает.

Пауза.

— Потомки, — говорю я.

— Потомки, — соглашается Яга. — Кровь, которая спала — просыпается. — Она берёт камень. Держит в ладони. — Не потому, что пришло время. Не потому, что явился Чернобог. Из-за тебя. Твоё существование в мире — как камень в воде. Круги идут сами. — Смотрит на меня. — Ты сняла подавление одним фактом своего бытия Волхвом.

Я молчу.

Думаю об этом.

О том, что я ничего не делала специально. Провела ритуал, только чтобы спасти Велеса и Световида.

И этого хватило, чтобы девять линий по всему Навью и Яви начали просыпаться.

— Я не знала, — говорю я.

— Знаю, что не знала, — говорит Яга. — Поэтому говорю сейчас.

Она встаёт снова.

На этот раз — к другой полке. Дальней, у самого угла. Свитки там старше — я вижу по цвету, по тому, как они лежат. Не просто хранятся — ждут.

Яга достаёт один.

Возвращается. Не кладёт на стол — держит в руках. Смотрит на него секунду.

Потом разворачивает.

Медленно. Кожа — жёлтая, тонкая. Руны — мелкие, чёткие, будто писали вчера.

— Читай, — говорит Яга.

Я смотрю на свиток.

Руны — старославянские, но я умею их читать.

Нахожу строку, на которую указывает её палец — сухой, тонкий, с тёмным ногтем.

Читаю.

Молча.

Про себя.

Потом ещё раз.

Волхв с тремя метками закроет трещины. Цена — суд над богами.

Смотрю на Ягу.

— Метки исчезли, — говорю я. — После ритуала. Они слились в триглавы. Больше нет ни чёрной, ни серебряной, ни—

— Были, — говорит Яга.

— Но теперь—

— Были, — повторяет она. — Три были. — Смотрит на меня. — Этого достаточно.

Я смотрю на запястья.

Триглавы. Левый и правый. Три цвета в каждом — золотой, серебряный, голубой. Слитые. Не отдельные больше, не три разных метки — одно.

Но — были три.

Огонь. Свет. Лёд.

Велес. Световид. Морозко.

Три метки — три силы — три связи. Пусть они изменились, пусть форма другая. Суть — та же.

Волхв с тремя метками.

— Суд над богами, — говорю я. — Что это значит?

Яга сворачивает свиток.

— Узнаешь, — говорит она. — Когда придёт время — узнаешь.

Снова.

Я убираю это в себя — в то место, где хранится важное. Не обдумывать сейчас. Потом. Когда будет тихо.

Если будет тихо.

Яга молчит.

Огонь в печи трещит — раз, другой. Травы на балках покачиваются — от тепла, от движения воздуха. Склянки на полках тихо звенят — одна, где-то высоко. Почти неслышно.

Потом Яга говорит — и голос у неё другой. Тише. Другим тоном.

— Третье, — говорит она.

Я жду.

— Чернобог знает о потомках.

Я чувствую, как что-то сжимается — не снаружи, внутри. Не страх. Что-то холоднее страха. Понимание.

— Когда ты стала Волхвом, — говорит Яга. — Он почувствовал то же, что и кровь. — Пауза. — Только по-другому.

Огонь в печи.

— Каждый разлом рядом с потомками — не случайность, — продолжает она. — Попытка заглушить. Пока они не окрепли. Пока не знают кто они. Пока не защищены.

Я смотрю на неё.

— Навсегда, — говорит Яга тихо. — Не ранить. Навсегда.

Тишина.

Длинная.

Огонь трещит.

— Торопись, — говорит Яга.

Встаю.

Посох в руках — тяжёлый. Три силы внутри отзываются на слова — огонь злится, свет напрягается, лёд становится острее. Я держу их ровно. Не даю выплеснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.